

Eyforis Lurt

Сказки Бабушкиного Сундука

Eyforis Lurt

Сказки Бабушкиного Сундука

«Автор»

2026

Lurt E.

Сказки Бабушкиного Сундука / Е. Lurt — «Автор», 2026

Вместе с пушистыми, пернатыми и колючими друзьями ребята мастерят, строят, лечат и утешают. Они узнают, что забота о ближнем — это не подвиг, а естественное состояние души, и что даже самое маленькое доброе дело отзывается благодарностью природы. Все приключения происходят на фоне живописных пейзажей: туманных дубрав, снежных равнин, жарких пустынь и зелёных холмов. Финал каждой сказки светлый и радостный: деревья оживают, звери обретают дом, а дети получают не подарки, а нечто более ценное — верных друзей и уверенность в том, что доброта делает мир сильнее.

© Lurt E., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Сказка о том, как Эмили спасла «плачущий» лес	6
Лео и потерянное пение ручья	13
Хельга и северный олень с больным копытцем	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Eyforis Lurt

Сказки Бабушкиного Сундука

Глава

Сказка о том, как Эмили спасла «плачущий» лес

****Часть первая. Утро в Старом Дубовом лесу****

Эмили проснулась от того, что в окно стучал ветер. Но это был не обычный ветер — он пах мятой и влажной корой, и в его порывах слышался тихий, настойчивый шепот. Эмили жила на самом краю города, в маленьком домике с красной черепичной крышей, за которым сразу начинался Старый Дубовый лес. Этот лес был особенным. Взрослые говорили, что он «дремучий» и «небезопасный», но для Эмили он был самым лучшим местом на земле.

Она натянула свои любимые резиновые сапоги, которые когда-то были ярко-желтыми, а теперь выцвели до цвета спелого лимона, накинула легкую куртку и выскользнула из дома, пока мама возилась с завтраком. Эмили знала: если она скажет, куда идет, ей обязательно дадут с собой термос с чаем, шерстяной шарф и тысячу наставлений. А сегодня ей хотелось просто идти, слушая утреннюю тишину.

Тропинка в лес начиналась сразу за старой покосившейся калиткой. Она была едва заметна — узкая, заросшая полевым вьюнком и земляникой. Первые сто метров Эмили прошла с закрытыми глазами, как она делала всегда. Она знала этот путь наизусть: здесь коряга, торчащая из земли похожая на пальцы великана, здесь камень с углублением, в котором всегда лежит дождевая вода, здесь куст шиповника, который осенью кажется огненным шаром.

Но сегодня все было по-другому. Лес молчал. Точнее, он молчал не совсем: птицы, как обычно, пересвистывались в кронах, где-то жужжал шмель, но сама суть леса, его дыхание, казалось, затаилось. Эмили остановилась и прислушалась. Обычно под ногами чавкала влажная земля, пахло прелыми листьями и грибами, а воздух был плотным, как кисель. Сегодня же земля под сапогами была сухой и жесткой, а воздух казался пустым.

Она прошла глубже, туда, где начинались настоящие великаны — старые дубы, чьи стволы были такими широкими, что трое детей, взявшись за руки, едва могли обхватить их. Эмили любила этих молчаливых стражей. Она часто садилась под самым большим дубом, которого называла просто «Дедушка», и читала ему книги вслух. Ей казалось, что он слушает — шевелит листьями на макушке и роняет на ее плечи крошечные желуди, как будто одобряя.

Именно здесь она впервые услышала странный звук.

Сначала Эмили подумала, что это ветер. Но ветра не было. Потом она решила, что это где-то плачет ребенок, но, присмотревшись, поняла, что звук идет отовсюду сразу. Это был не вой и не стон, а тонкая, пронзительная вибрация, похожая на стон умирающей скрипки. Это был звук корней. Деревья плакали.

Эмили подошла к «Дедушке» и положила ладонь на его кору. Кора была горячей — неестественно, тревожно горячей, будто у человека с жаром. Ветки дуба опустились так низко, что касались ее плеч, и она отчетливо почувствовала, как по ним пробегает дрожь. Тонкая, едва заметная, но дрожь.

— Что с тобой? — прошептала Эмили, прижимаясь щекой к стволу. — Ты заболел?

В ответ она услышала тот самый плач, но теперь он был отчетливее. Она поняла, что это не один голос. Это были голоса сотен деревьев, кустарников, мхов и лишайников. Весь лес стонал.

Эмили никогда не слышала язык леса в таких четких тонах, но сейчас интуиция, жившая где-то глубоко в ее сердце, переводила эти звуки, как переводят книгу с иностранного языка.

«Воды... Воды нет... Нам сухо... Наши ноги горят...»

Она оторвалась от ствола и огляделась. Теперь она заметила то, что не замечала раньше из-за утреннего полумрака: листья на кустах скрутились в трубочки, мох под ногами напоми-

нал ломкие сухари, а в низинах, где всегда стояли лужи, была только потрескавшаяся земля, похожая на пазл, который кто-то злобно разбросал.

Эмили побежала. Она срывалась с места и бежала по сухой, звенящей под ногами траве к тому месту, которое в лесу называли «Стеклянной жилой». Так она прозвала маленький ручей, протекавший в самой глубине чащи. Он был неглубоким, но удивительно чистым — его воды, падая с небольших каменных уступов, играли на солнце так, будто по дну текли не капли, а расплавленное стекло. Здесь всегда было влажно, здесь цвели папоротники, и здесь любили собираться белки, которые пили воду, смешно складывая лапки лодочкой.

Но когда Эмили добежала до «Стеклянной жилы», она остановилась как вкопанная.

Ручей... исчез.

Нет, он не пересох полностью — на дне еще блестела влажная грязь, несколько жалких лужиц и мелких камешков. Но главная вода, та, что бежала и журчала, та, что создавала в лесу его особый, влажный микроклимат, ушла. И причина была очевидна.

Чуть выше по течению, там, где ручей сворачивал и огибал огромный валун, покрытый рыжим мхом, зияли следы человеческих рук. Кто-то разбил русло. Кто-то пришел сюда с лопатами, а может быть, просто с тяжелыми сапогами и злым сердцем, и выломал камни, служившие естественными запрудами. Там, где земля держала влагу, теперь была глубокая, уродливая траншея, уходящая куда-то вбок, в песчаный овраг, где вода бесполезно уходила вглубь, исчезая в песках, как в прорванном мешке.

Эмили опустила на колени. Сухой песок больно впился в ладони. Она провела пальцем по трещине на дне пересохшего русла. Трещины уходили глубоко, как морщины на лице старого человека.

— Зачем? — прошептала она. — Кто это сделал?

В ответ ей не ответил никто. Только где-то высоко в ветвях, на краю огромного дуба, сидел филин и хлопал глазами, словно говоря: «Ты спроси, а кто ответит? Люди не дают ответов, Эмили».

Но деревья продолжали плакать. И этот плач был настолько пронзительным, что у Эмили сжалось сердце. Она знала, что лес не выживет без воды. Корни пересохнут. Сначала упадут старые дубы, потому что их корневая система слишком тяжела и не удержится в сухой, рассыпчатой земле. Потом засохнут кусты. Потом травы. А потом исчезнут звери, птицы и насекомые. И вместо леса останется пустошь, голая и мертвая, где будет дуть только ветер да скрипеть сухой бурьян.

Эмили не могла этого допустить. Она знала, что взрослые в городе слишком заняты своими делами. Они скажут: «Это просто природа, она сама восстановится», или «Нужно вызвать лесничего», но лесничий приедет через неделю, а за неделю корни окончательно умрут. Ждать было некогда.

Она поднялась, стряхивая песок с коленок, и огляделась вокруг. Ей нужны были помощники. Одними руками, даже самыми маленькими и умелыми, сдвинуть камни обратно в русло, залепить трещины и вернуть воду было невозможно.

— Эй! — крикнула она вверх, в кроны. — Эй, рыжие! Вы где?

Тишина. Птицы перестали петь. Но Эмили знала, что за ней наблюдают. Она достала из кармана маленькое зеркальце (она всегда носила его с собой, чтобы пускать солнечных зайчиков) и направила луч на самый большой дуб. Один блеск, второй.

И вдруг с верхней ветки сорвалась тень. Маленькая, рыжая, стремительная. Белка. За ней — вторая, третья... Их была целая дюжина. Это были друзья Эмили — белки из Старого Дубового леса. Самая старая, с кисточками на ушах, которую Эмили звала Барни, прыгнула прямо ей на плечо.

— Барни! — воскликнула Эмили. — Ты видел, что они сделали? Они убили ручей!

Барни тревожно дернула хвостом и что-то прошептала. Она понимала Эмили? Может быть, не слова, но интонацию. Белка потерлась носом о щеку девочки, а потом спрыгнула на землю и побежала к краю траншеи, показывая своими лапками, куда надо смотреть.

Эмили подошла ближе. Оказалось, что злодеи не просто разломали камни, они вынули целый слой глины из одного берега, и теперь вода, если бы она даже пошла, просто утекала сквозь песчаную прослойку, как сквозь сито. Нужно было восстановить берега. Нужна была глина, мох и тяжелые камни, чтобы русло стало герметичным и вода пошла по привычному пути.

— Нам нужен мох, — сказала Эмили вслух, обращаясь ко всем белкам сразу. — Много мха. Того, что растет на северной стороне валунов, влажного и плотного. Он как губка, но он задержит воду. Бегите!

И белки поняли. Эмили даже не пришлось показывать жестом. Барни издал короткий, отрывистый писк, и вся стая, как рыжие молнии, метнулась в разные стороны, исчезая в зарослях и валежнике. Они знали лес лучше любого человека, и Эмили доверяла им, как никому.

Пока белки собирали мох, Эмили принялась за самое трудное. Она подошла к краю русла и начала руками вытаскивать крупные камни, которые завалили вход в то место, где вода должна была течь. Камни были тяжелыми, мокрыми (хоть вода и ушла, грязь еще сохранилась), и они скользили в руках. Она надрывала спину, сбивала пальцы, но в какой-то момент ей показалось, что земля под ее ногами одобрительно гудит. Дуб рядом с ней чуть наклонил одну из веток, создавая для нее тень, чтобы солнце не напекло голову.

— Спасибо, Дедушка, — выдохнула Эмили.

Она работала как одержимая. Вытащив большие камни, она начала собирать мелкую гальку и плотно забивать ею щели между валунами на дне. Каждый камешек она проверяла — не просочится ли сквозь него вода. Она вспоминала, как однажды видела, как бобры строят плотину. У них это получается грубо, но надежно. Эмили пыталась делать так же. Она сплетала гибкие прутья ивы в решетку и укладывала их поперек русла, а сверху засыпала песком и глиной, которую наскребла ногтями на дне высохшего оврага. Глина была липкой, вязкой, и пахла сыростью — самым прекрасным запахом в мире.

Через час вернулись белки. Они тащили мох. Не просто клочья, а целые маты, большие, тяжелые. Барни нес самый крупный кусок, волоча его по земле, как корабль, тащащий парус. Остальные тащили поменьше. Эмили улыбнулась до ушей.

— Отлично! Сюда, сюда, укладывайте их на берег, прямо как ковер!

Она показала руками, и белки, понятливые создания, начали выстилать мхом внутреннюю стену русла. Это была кропотливая работа. Эмили прижимала мох к глине, примазывала его, чтобы он держался, а белки подносили новые куски. Одна белка, совсем маленькая, с пушистым хвостом, упала в грязь и перепачкалась с головы до ног, но даже не пискнула — она встряхнулась и побежала за новой порцией.

Время летело незаметно. Солнце поднялось высоко, и лес наполнился полуденным зноем, но внутри чащи, там, где они работали, было сумрачно и прохладно благодаря тяжелым кронам. Эмили сбила руки в кровь, но не чувствовала боли. Она видела, как медленно, но верно восстанавливается русло. Ложе ручья снова обрело форму — неглубокий желоб с высокими, укрепленными мхом берегами.

Но оставалась одна проблема. Воды не было. Даже если русло восстановлено, откуда взять воду, чтобы наполнить его? Вода ушла глубоко в песок, в тот самый овраг, куда ее отвели люди. Обратно она не вернется сама.

— Нам нужно принести воду, — сказала Эмили. — Иначе ручей так и останется пустым руслом. Это как чайник без чая.

Она огляделась. Как перенести воду? Они далеко от города, нет ведер, нет бутылок. Эмили сняла свою куртку. Она могла бы намочить ее и выжимать, но это капля в море. Белки

беспокойно бегали вокруг, показывая на что-то. Барни запрыгал на ближайшее дерево и указал лапкой на большую раковину, которую когда-то притащила сорока — огромную, размером с две ладони, раковину речного моллюска. Она лежала в развилке веток и была пустой внутри, как чаша.

— Ракушка! — ахнула Эмили. — Да! У нас же есть ракушки!

Она начала шарить по земле. В лесу, особенно рядом с пересохшим водоемом, всегда лежат старые раковины. Эмили собрала все, что нашла: пять больших, похожих на пиалы, и десяток маленьких, с грецкий орех. Белки смотрели с любопытством.

— Я буду носить воду в этих раковинах, — объяснила она им. — Там, внизу, в овраге, есть еще влажный песок. Если я копну глубже, я найду воду. Она будет мутной, но это вода. Я буду носить ее отсюда до верховья и выливать в новое русло. Так, по капле, я заполню его.

Барни склонил голову набок, оценивая масштаб безумия этой идеи. Это было невероятно долго. Носить воду в раковинах — это как носить море в наперстке. Но девочка не шутила. Она подняла самую большую раковину и решительно направилась вниз по оврагу, туда, где еще блестела влажная грязь.

Овраг был глубокий и крутой. Эмили спускалась, цепляясь за корни деревьев, которые торчали из земли, словно канаты. Добравшись до дна, она нашла место, где земля была особенно влажной, и начала копать. Она копала голыми руками, разгребая песок, пока на дне ямки не начала собираться темная, холодная вода. Это была не та вода, что бежала по ручью, не прозрачная и звонкая. Она была мутная, с песком, с запахом железа и тины. Но она была водой.

Эмили зачерпнула раковину, полную до краев, и, стараясь не расплескать, стала карабкаться обратно наверх. Это было безумно трудно. Ноги скользили по мокрому песку, раковина обжигала холодом ладони, вода плескалась и проливалась через край. Добравшись до верха, она торжественно вылила эту мутную жижу в новое русло.

Вода с чавканьем впиталась в мох, ушла в глину, и... ничего не произошло. Капля в море. Но Эмили не остановилась. Она спустилась снова. И снова. И снова.

Белки смотрели на это действие сначала с недоумением, а потом, кажется, поняли ее замысел. Они не могли таскать большие раковины, но они могли помочь по-другому. Они начали приносить ей маленькие, более удобные ракушки, гладкие, чтобы легче было держать. Барни научился брать раковину зубами за край, хотя это было неудобно, и он проливал больше, чем приносил, но его усердие было заразительным.

И так, час за часом, они таскали воду. Эмили поднималась и спускалась. Ее коленки покрылись ссадинами, руки натрудились, спина затекла. Она устала до такой степени, что мир перед глазами начал двоиться. Но она не останавливалась. Она знала: если она остановится, лес умрет.

В какой-то момент она услышала, как старый дуб, Дедушка, скрипнул ветвями. И ей показалось, что в этом скрипе были слова:

«Ты не одна, Эмили...»

Она подняла голову. К работе подключились лесные мыши. Они не тащили раковины, но они рыли маленькие канавки от ямки с водой, чтобы вода сама текла в нужную сторону. Кроты, которых она никогда не видела днем, вылезли из-под земли и начали рыхлить плотный грунт на дне оврага, помогая воде просачиваться быстрее. Даже старый филин, который всегда казался ей ворчливым, слетел с ветки и, ухнув, принес в клюве мокрый лист лопуха — плоский, как тарелка, из которого тоже можно было черпать.

Лес объединился вокруг своей спасительницы. Это было похоже на древний обряд, на сказку, которую рассказывали у костра, но это было реальностью. Эмили чувствовала, как земля под ее ногами пульсирует — сильнее, увереннее.

К вечеру, когда солнце уже касалось макушек самых высоких сосен, а тени вытянулись до бесконечности, произошло чудо. Эмили вылила очередную раковину воды в русло,

и вдруг вода не ушла в песок. Она остановилась. Маленькая лужица. Потом она стала растекаться, набирать силу. Она затекла под камешки, смочила мох. И откуда-то сверху, от верховья, донесся звук. Это был не ветер. Это был... звон. Робкий, неуверенный, похожий на детский смех.

Вода возвращалась.

Та вода, которую Эмили выливала весь день, скопилась, пропитала землю, создала давление. И теперь, нащупав путь, она побежала. Сначала тонкой струйкой, шириной с палец. Потом струйка стала толще. Эмили замерла, боясь дышать. Она смотрела, как по дну, по выложенному мхом и глиной желобу, течет долгожданная влага. Вода пробегала по камешкам, облизывала корни, собиралась в маленькие водовороты.

— Бежит! — закричала Эмили. — Смотрите, она бежит!

Белки запрыгали на ветках, как сумасшедшие. Мыши запищали, кроты зашуршали. Даже дуб, казалось, вздохнул с облегчением, расправив свои столетние плечи.

Вода добежала до того места, где русло было перекрыто ее плотиной из прутьев и глины, обошла ее, перелилась через край и помчалась дальше, наполняя собой старые, уже забывшие влагу углубления. Ручей оживал. С каждой секундой он журчал все громче, все увереннее. Это была музыка — настоящая симфония исцеления.

Эмили опустилась на колени прямо в воду, которая теперь достигала ее щиколоток, и заплакала. Она плакала от усталости, от счастья, от осознания того, что она смогла. Ее маленькие руки, такие грязные и исцарапанные, сделали то, что казалось невозможным.

Вода постепенно светлела. Песок уносило, муть оседала, и через полчаса ручей снова зазвенел хрустально. Он бежал по своему старому пути, огибая камень, подмывая корни дуба, наполняя живительной силой все вокруг. И лес начал преображаться на глазах.

Листья, скрученные в трубочки, разворачивались, напитываясь влагой. Мох набухал, становясь упругим и ярко-зеленым. Цветы, которые поникли к полудню, подняли свои головки. И воздух наполнился запахом жизни — влажной земли, травы, свежести. Тот самый запах, который Эмили так любила, вернулся.

Она сидела на берегу, обняв колени, и смотрела, как вода играет в лучах закатного солнца. Она отражала оранжевый свет, становясь похожей на жидкое золото. Белки устало, но довольно сидели рядом с ней. Барни положил свою голову ей на ногу и закрыл глаза. Они сделали это. Все вместе.

Но самое удивительное произошло позже. Когда солнце почти село, и на землю опустились сумерки, Эмили почувствовала легкое прикосновение к плечу. Она обернулась. Перед ней стоял старый дуб. Нет, он не превратился в человека, но его тень, падающая на землю, казалась очертанием старца. Из его могучего ствола, прямо на уровне глаз Эмили, выделилась небольшая веточка, на которой висел единственный желудь. Он был больше, чем все желуды, которые Эмили видела раньше, — он был размером с ее кулак.

— Это мне? — тихо спросила она.

Ветка наклонилась, и желудь упал прямо в ее раскрытые ладони. Он был теплым, как живое существо, и тяжелым. Эмили сжала его в кулаке, и вдруг ощутила, что желудь начал меняться. Он стал гладким, округлился, стал блестеть. Она разжала ладонь и ахнула.

Вместо желудя у нее в руке лежал кулон. Золотой, искусно сделанный, в форме желудя. Он был украшен тончайшей резьбой, которая повторяла прожилки листьев дуба, и внутри него, словно в сердцевине, тускло мерцала крошечная капелька изумрудного света. Это была не просто драгоценность. Это была память. Это было обещание.

И тут голос — глубокий, низкий, как ветер в печной трубе — разнесся у нее в голове. Это не был человеческий язык, но она поняла его каждое слово:

«Ты слышала наш плач, Эмили. Ты не побоялась грязи и труда. Ты не ждала, пока кто-то придет и решит все за тебя. Ты взяла в руки глину и камень и вернула нам жизнь. Запомни,

маленькая: даже самые маленькие руки способны исцелить самую глубокую рану. Если ты когда-нибудь усомнишься в своей силе, посмотри на этот кулон. В нем — вода нашего ручья, свет нашего солнца и благодарность наших корней. Ты всегда будешь частью Старого Дубового леса, и лес всегда будет частью тебя».

Эмили не плакала. Она просто сидела на влажной траве, сжимая в ладони теплый золотой желудь, и улыбалась. Она чувствовала, как по всему лесу пробегает волна облегчения. Деревья выпрямились, кусты зашелестели, трава заколыхалась. Лес был здоров. Лес был жив.

Ночью, когда она уже вернулась домой (мама, конечно, устроила скандал из-за грязной одежды, но потом, увидев усталые и счастливые глаза дочери, лишь покачала головой и налила горячего молока), Эмили долго сидела у окна, глядя на черную стену леса за калиткой. Там, в глубине, светился едва заметный зеленый огонек — свет, который излучал ее кулон, когда она держала его в руках.

Она знала, что утром снова побежит туда. Проверить, все ли в порядке. Погладить кору Дедушки. Послушать, как журчит Стеклянная жила. Она знала, что белки будут ждать ее, а Барни принесет ей самую спелую землянику, найденную на поляне.

Но самое главное, она поняла одну простую вещь. Взрослые часто говорят: «Ты маленькая, ты ничего не можешь сделать. Подожди, вырасти». Но это неправда. Ждать — это значит позволять ручью пересыхать. Ждать — это позволять лесу умирать. Иногда нужно просто встать и пойти. Не важно, сколько тебе лет, и есть ли у тебя инструменты. Если у тебя есть сердце, которое слышит плач, и руки, которые не боятся работы, ты можешь все.

Эмили повесила кулон на шею. Он был теплым, как маленькое солнышко у ее груди. Она закрыла глаза и заснула. И ей приснился лес. Не страшный и сухой, а зеленый, влажный, дышащий, где каждая травинка здоровалась с ней, где ручей пел ей песни, а старый дуб шептал ей сказки, которые будут помнить еще много-много лет.

С тех пор прошло много дней. Эмили выросла, но кулон всегда был с ней. И каждый раз, когда она видела засохший цветок, грязный пруд или сломанное дерево, она вспоминала тот день, когда она, маленькая девочка с выцветшими желтыми сапогами, починила целый мир. И она бралась за дело. Она научила этому своих друзей, а друзья — своих. И говорят, что Старый Дубовый лес стал самым зеленым и самым счастливым лесом во всей округе, потому что там живет девочка, которая умеет слушать сердце природы.

А ручей... Он до сих пор бежит. Он стал шире и глубже. И в ясные ночи, когда луна светит ярко, можно увидеть, как в его струях отражается не только небо, но и золотой огонек, похожий на желудь, — это сама Эмили, уже взрослая и мудрая, стоит на берегу и улыбается воде. Потому что она знает: чудеса случаются не по волшебству. Они случаются, когда кто-то решает не проходить мимо.

И, если вы когда-нибудь окажетесь в Старом Дубовом лесу и услышите странный журчащий звук, знайте: это ручей смеется. Он помнит, как однажды маленькая девочка спасла его от гибели. И он всегда будет бежать — до тех пор, пока в мире есть такие, как Эмили. Те, кто слышит. Те, кто не боится. Те, чьи руки способны исцелить даже самое большое горе.

Так заканчивается эта долгая история. Но на самом деле она только начинается — в сердце каждого, кто прочитает ее и поверит, что одна маленькая искра добра может зажечь целый лесной пожар, но не разрушительный, а созидательный. Пожар жизни. И он никогда не погаснет.

А теперь закройте глаза и прислушайтесь. Слышите? Где-то далеко, за окном, журчит вода. Это он, ваш ручей. Ваш личный. Он ждет, когда вы выйдете и почините его. Или просто сядете рядом и скажете: «Ты не один, лес. Я с тобой».

И золотой желудь на вашей груди засветится теплом, даже если его там нет. Потому что этот свет — внутри вас. Он всегда был там. Вы просто не знали. А теперь знаете.

И это самая главная сказка, которую можно было рассказать.

Лео и потерянное пение ручья

****Часть первая. Тот, кто пел по ночам****

В самой густой, самой тенистой части Старого Дубового леса, там, где даже днём царил изумрудный полумрак, а солнце пробивалось сквозь кроны только золотыми монетками, жил Ручей. Но он был не простым ручьём. Взрослые, если и заходили в эту чащу (что случалось редко), называли его просто «водой», но дети, звери и сам лес знали тайну: по ночам Ручей пел.

Он начинал свой концерт с первыми сумерками, когда синева сгущалась между стволами, а на небе загоралась первая робкая звезда. Сначала его голос был едва слышен — лёгкое журчание, похожее на шепот матери, склонившейся над колыбелью. Потом он набирал силу, и вода, переливаясь через гладкие голыши, издавала переливчатые звуки, напоминающие арфу или далёкую флейту. Это была колыбельная. Нежная, убаюкивающая, она опускалась на лес, как одеяло из лунного света.

Каждую ночь под эту музыку засыпали белки в своих дуплах, свернувшись калачиком и прикрыв носы пушистыми хвостами. Под неё засыпали зайцы, прижав длинные уши к траве, и даже старый филин, который обычно бодрствовал до рассвета, на пару часов закрывал свои жёлтые глаза, слушая, как вода переговаривается с камнями. А в маленькой деревушке, что приютилась на краю леса, дети открывали окна, чтобы хоть краешком уха уловить этот далёкий, но такой родной звук. Он обещал им сладкие сны, где они летали над лесом на крыльях ветра.

Больше всех этот ручей любил мальчик по имени Лео.

Лео было десять лет, и он был тем ребёнком, который слышал то, что другие пропускали мимо ушей. У него были вихрастые тёмные волосы, вечно растрёпанные, будто он только что выбрался из кустов, и большие серые глаза, которые умели замечать мельчайшие движения в траве. Лео жил на самой окраине деревни, в доме с покосившимся забором, откуда до ручья было рукой подать — нужно было только пройти через старую березовую рощу и спуститься в овражек.

Сколько Лео себя помнил, он каждую ночь, перед тем как уснуть, выходил на крыльцо и вслушивался. Ручей всегда был там. Даже в самые дождливые осени, когда другие реки выходили из берегов и шумели грозно, этот ручей сохранял свою нежность. Он пел ровно, убаюкивающе, как машина времени, которая возвращала Лео в самые безопасные уголки его души.

Но однажды всё изменилось.

****Часть вторая. Тревожное молчание****

Это случилось в середине августа, когда ночи стали тёплыми и прозрачными, а лес пах медовыми грибами и увядающим папоротником. Лео, как обычно, вышел на крыльцо после ужина, обнял столбик перил и закрыл глаза, готовясь услышать знакомую мелодию.

Он ждал. Секунда. Пять секунд. Минута.

Тишина.

Только сверчки стрекотали в траве, только ветер шуршал листьями осины, но главного голоса — голоса воды — не было. Лео открыл глаза и нахмурился. Он потёр уши, подумал, что ему показалось, и снова прислушался. Нет. Ручей молчал. Не то чтобы он пересох или превратился в тоненькую струйку, — он просто перестал петь. Его журчание исчезло, будто кто-то зажал горло самому лесу.

Лео не мог этого вынести. Он спустился с крыльца, на ходу натягивая старенькие кеды, и побежал в сторону леса. Взрослые уже спали, и никто не видел, как тонкая фигурка мальчика растворилась в ночной темноте. Но Лео не боялся темноты. Он знал тропинку наизусть: сначала

мимо старого колодца, потом между двумя огромными соснами, направо, где земля начинает пахнуть глиной, и прямо к оврагу.

Когда он добежал до обрыва, сердце его ёкнуло. Ручей был на месте, вода в нём отражала лунный свет и поблёскивала, но она стояла почти неподвижно. Небольшое течение ещё было, но оно стало вялым, сонным, безжизненным. И самое страшное — оно молчало. Даже лёгкого всплеска, даже бульканья, даже шёпота. Тишина давила на уши.

Лео спустился вниз, поскользнувшись на мокрой траве, и пошёл вдоль русла вверх, туда, где брал начало ручей. Он знал, что исток — это небольшая расщелина в скале, откуда вода выходила на поверхность. Но, подойдя ближе, он увидел нечто ужасное.

Путь воде преграждал валун. Огромный, массивный, серый, покрытый зелёным мхом, он лежал поперёк русла, словно его сбросила сюда какая-то гигантская рука. Валун был размером с небольшой автомобиль и сидел так плотно, что вода, которая раньше свободно вытекала из расщелины, теперь накапливалась за ним, образуя маленькую, но беспокойную лужу, и лишь тонкими струйками просачивалась с боков, почти не создавая звука. Ручей задыхался.

Но не только это поразило Лео. Прямо под валуном, в узкой щели между камнем и мокрым берегом, он заметил движение. Присмотревшись, он ахнул: там, придавленная тяжестью, лежала старая черепаха. Она была большой, с панцирем, покрытым глубокими бороздами, похожими на морщины. Одна её лапа была зажата между валуном и корнем, и она не могла выбраться. Она слабо шевелила головой, пытаясь дотянуться до воды, которая была в паре сантиметров, но недостижима. Глаза черепахи — старые, мудрые, с поволокой — смотрели на Лео с такой тоской и мольбой, что у него сжалось сердце.

— Тихо-тихо, — прошептал Лео, опускаясь на колени прямо в холодную, стоячую воду. — Я помогу тебе. Я сейчас.

Он попытался сунуть руки в щель, но валун сидел мёртвым грузом. Черепаха была зажата не намертво, но любое движение камня вниз могло раздавить её. Нужно было поднять валун. Или хотя бы сдвинуть его на сантиметр, чтобы черепаха могла выскользнуть и чтобы вода, наконец, хлынула свободно.

****Часть третья. Плечо против камня****

Лео никогда не считал себя сильным. Он был худощавым, невысоким, с тонкими руками, которые вечно были в царапинах от лесных шиповников. Но в эту ночь он почувствовал внутри себя странный холодный огонь. Это не была злость. Это была решимость.

Он упёрся плечом в холодную, шершавую поверхность валуна. Мох пах сыростью и временем. Лео напряг все мышцы, насколько мог, и толкнул. Камень не шелохнулся. Он попробовал снова — с тем же результатом. Тогда он изменил позицию: присел на корточки, упёрся спиной и ногами в берег, а руками обхватил камень, пытаясь приподнять его. Жилы на его шее натянулись, лицо покраснело, но валун оставался неподвижным, как скала. Он весил, наверное, полтонны.

Лео повалился на мокрую землю, тяжело дыша. Он слышал, как черепаха в щели издала тихий, скребущий звук — то ли вздох, то ли стон. Она умирала. Не сразу, но медленно, мучительно, от того, что не могла добраться до живительной влаги. А ручей тем временем терял свой голос с каждой минутой. Вода за валуном прибывала, но, не имея выхода, она застаивалась, покрывалась ряской и начинала пахнуть тиной. Лес, который привык слышать песню, чувствовал это молчание как физическую боль.

Лео поднялся и вытер пот со лба. Он понимал, что в одиночку ему не справиться. Ему нужны были помощники. Но кого позвать? Друзья-мальчишки из деревни спят, да и они не поверят, что камень нужно двигать ради какой-то черепахи и колыбельной. Взрослые скажут, что это слишком опасно, что нужно дождаться утра и позвать трактор. Но черепаха могла не дожить до утра, и ручей мог навсегда замолчать.

И тогда Лео сделал то, что подсказал ему инстинкт. Он поднял голову и закричал в ночную тьму:

— Феликс! Феликс, ты здесь?

Феликс был его самым необычным другом. Феликс был светлячком. Нет, не просто одним из тысячи, а их предводителем — самым старым, самым ярким светлячком в лесу, с зелёным отливом на спинке. Лео нашёл его прошлым летом, когда тот запутался в паутине, и освободил его. С тех пор между ними установилась странная связь. Феликс понимал Лео, а Лео чувствовал, где и когда Феликс рядом.

Ответ пришёл не сразу. Но через несколько секунд среди кустов орешника мелькнула зелёная искра. Потом ещё одна. И ещё. И вот над Лео завис целый рой светлячков, а прямо перед его лицом парил самый крупный из них — Феликс. Его тело мерцало ровным, спокойным светом, который разгонял тьму вокруг.

— Феликс, — сказал Лео, задыхаясь от спешки. — Ты видишь? Валун. Он перекрыл ручей. И там черепаха... она зажата. Я не могу сдвинуть его один. Мне нужна помощь. Я не прошу вас толкать камень — вы слишком маленькие. Но мне нужен свет. Мне нужно видеть, куда ставить ноги и руки. А ещё... может быть, вы сможете подсказать мне слабое место в камне? Где он меньше всего прилегает к земле?

Феликс мигнул два раза — это был их код, означающий «я понял». Затем он издал едва слышный стрекот, и светлячки пришли в движение. Они начали кружиться над валуном, подсвечивая его со всех сторон. Сотни огоньков осветили каждый миллиметр серой поверхности, каждую трещинку, каждый пучок мха. Лео, глядя на эту подсветку, увидел то, что не замечал в темноте: валун лежал не на ровной поверхности, а на небольшом наклоне. Его правая сторона была приподнята над землёй на пару сантиметров, и под ней был пустой промежуток, заполненный галькой. Если бы он мог убрать гальку и подсунуть под камень рычаг...

— Вот оно! — воскликнул Лео. — Феликс, спасибо!

Он начал лихорадочно разгребать мелкие камни из-под правой стороны валуна. Руки его быстро превратились в сплошную грязь, но он не обращал внимания. Светлячки опустились ниже, освещая ему каждый камешек. Некоторые из них даже садились на мелкие камни, будто указывая, какие нужно вытащить в первую очередь. Работа спорилась.

Когда под валуном образовалась небольшая пустота, Лео нашёл длинную, прочную ветку, выпавшую из старой ивы. Он засунул её в эту щель и навалился на другой конец. Принцип рычага сработал. Камень чуть-чуть, на миллиметр, но приподнялся. Лео подсунул под него ещё один камень, чтобы он не опустился обратно. Потом ещё один. Он действовал методично, как сапёр, сантиметр за сантиметром выигрывая пространство у тяжести.

Было уже далеко за полночь. Лео устал до такой степени, что руки его тряслись, а в глазах двоилось. Он несколько раз падал в воду, промокал насквозь, но каждый раз вставал и продолжал. Светлячки не улетали. Они висели над ним, как живой фонарь, и их мерцание придавало ему сил. Феликс периодически садился ему на плечо, будто приободряя: «Ты справишься, Лео. Мы с тобой».

****Часть четвёртая. Последний толчок****

Прошло несколько часов. Луна уже клонилась к горизонту, и на востоке начала появляться бледная полоса рассвета. Лео знал, что скоро придут люди, но он должен был закончить до этого. Он должен был освободить черепаху, пока окончательно не рассвело и пока она ещё дышит.

Он снова упёрся плечом в валун. Теперь под ним был целый штабель камней, приподнимающих его правый край. Светлячки выстроились в яркую линию, показывая направление, куда нужно толкать. Лео собрал последние силы. Он вспомнил голос ручья — его нежную колыбельную, которую он так любил. Вспомнил, как черепаха смотрела на него умоляющими глазами. Вспомнил, как Феликс мерцал всю ночь, не давая ему сдаться.

Он сделал глубокий вдох, напряг каждую мышцу, от пяток до макушки, и толкнул.

Сначала ничего не произошло. Прошла секунда, две. Лео уже готов был разрыдаться от бессилия. Но вдруг он услышал скрежет. Глубокий, низкий, похожий на стон проснувшейся горы. Валун качнулся. Ещё немного, и он медленно, величественно, с утробным грохотом, перевалился через край насыпи и покатился вниз, в овраг, сминая на своём пути кусты папоротника. Он остановился только у самого дна, наполовину уйдя в мокрую землю.

И в тот же миг вода хлынула.

Сначала тонкой, робкой струёй, но потом — мощным, радостным потоком. Вода, которая копилась за валуном целый день, наконец прорвалась. Она бежала по освобождённому руслу, заполняя каждую выемку, оmyвая каждый камешек, целуя корни. И вместе с водой вернулся звук.

Это было не просто журчание. Это был крик освобождения, ликующий, переливающийся, громкий. Ручей запел. Но на этот раз его голос был не нежной колыбельной — это была победная ода, гимн жизни, который разносился по лесу с такой силой, что, казалось, дрожали листья на деревьях. Песня была слышна далеко-далеко, за пределами березовой рощи, за пределами деревни, даже до соседнего села долетели её отголоски. Птицы, проснувшиеся от этого звука, подхватили его. Ветер заиграл в кронах. Лес ликовал.

А Лео уже опустился на колени у того места, где только что лежал валун. Черепаха была свободна. Она медленно выкарабкалась из щели, расправила свои лапы, которые затекли от долгого плена, и окунулась в холодную, быструю воду. Она подставила голову под струю и долго стояла так, словно пила, словно впитывала в себя каждую каплю живительной влаги. Потом она медленно повернулась и посмотрела на Лео. В её глазах отражался свет сотен светлячков и утренней зари.

Лео не знал, что говорят черепахи. Но в этот момент ему показалось, что она прошептала: «Спасибо, мальчик». Она грациозно развернулась, загребая лапами, и уплыла вниз по течению, туда, где ручей расширился и терялся в зарослях ивняка.

Лео упал на спину, прямо в мокрую траву, и рассмеялся. Смех его смешивался с шумом воды и треском светлячков, которые теперь кружились над ним в хороводе, празднуя победу. Феликс опустился прямо на его нос и замерцал особенно ярко, как маленькая зелёная звезда.

— Мы сделали это, Феликс, — прошептал Лео. — Мы вернули ему голос.

****Часть пятая. Утро нового дня****

Лес встретил рассвет совсем другим. Раньше он был просто красивым, но теперь он был счастливым. Песня ручья, которая разнеслась на много километров, разбудила не только птиц, но и людей. В соседней деревне, где жил старый мельник, он открыл окно и улыбнулся: он впервые за много лет услышал эту песню так ясно. В деревне Лео дети выбегали на улицу, протирая сонные глаза, и спрашивали родителей, что за музыка играет в лесу. Родители только пожимали плечами и говорили: «Наверное, весна вернулась», хотя была середина лета.

Лео вернулся домой только к завтраку. Он был мокрый, грязный, с синяками на плече и царапинами на руках. Мама ахнула и хотела устроить допрос, но он просто улыбнулся своей самой счастливой улыбкой и сказал:

— Мам, ручей снова поёт. Всё хорошо.

Она не стала расспрашивать дальше. Она только покачала головой и поставила перед ним тарелку тёплой каши.

Но для Лео этот день был только началом. Он понял, что спас не просто ручей, не просто черепаху — он спас целый мир звуков, который умирал без своей колыбельной. И он чувствовал себя ответственным за это чудо.

Поэтому с того самого дня Лео завёл себе новый ритуал. Каждое утро, до того как идти умываться или завтракать, он бежал к ручью. Бежал к тому самому месту, где когда-то лежал валун. И он приносил ручью подарки. Не игрушки, не сладости — камешки. Маленькие, глад-

кие, отполированные водой (которую он находил в других местах), разноцветные: серые с белыми прожилками, красноватые, похожие на кирпичики, синеватые с отливом, как осколки неба. Он аккуратно укладывал их на дно ручья, на то место, где вода делала красивый изгиб.

Сначала он думал, что это просто дань уважения. Но он заметил, что с каждым его подарком песня ручья меняется. Если он клал гладкий, плоский камешек, вода, обтекая его, издавала высокий, свистящий звук. Если он клал неровный, пористый — песня становилась глубже, басовитее. Лео стал настоящим композитором. Он подбирал камешки, как ноты, создавая новые мелодии. Ручей отвечал ему благодарностью: он пел вдвое звонче, вдвое радостнее, чем раньше.

Прошёл месяц. Ручей обзавёлся целой грядой разноцветных камней, которые переливались под солнцем. Черепаха, которую Лео спас, поселилась неподалёку и часто выползала на большой валун (тот самый, который он сдвинул, но теперь он служил ей лежанкой) погреться на солнце. Она смотрела на Лео своими мудрыми глазами, и казалось, одобрительно кивала.

А Феликс и его светлячки каждую ночь спускались к ручью, чтобы послушать новую песню. Они отражались в воде тысячами огоньков, и казалось, что сам ручей усыпан звёздами. Песня стала настолько красивой, что, как поговаривали, даже луна останавливалась в своём движении, чтобы послушать её.

****Часть шестая. Волшебство, которое мы создаём сами****

В один из таких дней, когда Лео сидел на берегу, болтая ногами в прохладной воде, к нему подошёл старый мельник из соседней деревни. Он опирался на палку и тяжело дышал после долгой дороги.

— Мальчик, — сказал он, присаживаясь рядом. — Это ты вернул голос ручью?

Лео смутился и покраснел.

— Я просто сдвинул камень, господин мельник, — сказал он. — Там застряла черепаха, и вода не могла течь. А мне помогали светлячки и Феликс.

Мельник улыбнулся. У него были удивительно добрые глаза, похожие на две воды старого пруда.

— Знаешь, я молол муку на этой воде сорок лет, — сказал он. — Я слышал её песню каждый день. Но когда она замолчала, я подумал, что старость наконец забрала мой слух. А оказалось, забрали голос у ручья. Ты вернул не просто воду, Лео. Ты вернул душу этому лесу. И то, что ты каждый день приносишь ему камешки... это не просто шалость. Это диалог. Ты говоришь с ним на его языке.

Лео задумался. Он никогда не думал об этом как о языке. Ему просто нравилось, как вода играет с камнями. Ему нравилось видеть, как меняется звук. Но старый мельник был прав: это был диалог.

С того дня Лео ухаживал за ручьём не как за водой, а как за живым существом. Он очищал его от мусора, который иногда приносил ветер. Он подсаживал кустики влаголюбивых трав на берегах, чтобы корни укрепляли землю. Он даже научился делать маленькие запруды из веток, чтобы в некоторых местах вода задерживалась и создавала тихие заводи, где любят отдыхать лягушки и стрекозы.

И ручей отвечал ему. Его голос становился всё богаче и красивее. Теперь он пел не только колыбельные. Он пел песни утренней зари, песни полуденного зноя, песни дождя, который собирался в тучах. Он мог рассказать сказку, мог развеселить, мог успокоить. Лес преобразился. Звери, которые боялись людей, перестали бояться Лео. Белки брали у него орешки прямо из рук, ежи выходили на тропинку, когда он проходил, а черепаха — та самая, спасённая — даже позволяла ему почесать её панцирь.

И самая главная благодарность пришла однажды ночью, когда Лео не мог заснуть и сидел на крыльце. Он вдруг услышал, как ветер донёс до него не просто песню ручья, а её эхо, которое, отражаясь от стен соседней деревни, возвращалось обратно, смешиваясь с птичьими голо-

сами и звёздным светом. Он понял, что его маленькое доброе дело разросло до невероятных размеров. Когда-то он толкал камень плечом, а теперь весь мир толкал его в ответ, только в другую сторону — в сторону добра, гармонии и света.

Он лёг на траву, глядя в небо, и прошептал:

— Спасибо тебе, Ручей. За то, что ты есть. За то, что ты поёшь.

И в ответ, сквозь шелест листьев, он отчётливо услышал, как вода произнесла: «Это ты поёшь, Лео. Твоё сердце — это моя вода. Твоя доброта — мои камни. Без тебя я был бы просто потоком. С тобой я — музыка».

Лео улыбнулся и закрыл глаза. В эту ночь ему приснился самый прекрасный сон: он плыл по ручью, а вокруг него танцевали светлячки, и каждый их огонёк превращался в маленькую звезду, которая потом улетала в небо, чтобы стать настоящей. Он понял, что чудеса не случаются просто так. Они случаются, когда кто-то не проходит мимо чужой боли. Когда кто-то толкает камень, даже если плечо болит. Когда кто-то верит в то, что даже один человек способен изменить звук целого леса.

****Часть седьмая. Вечное эхо****

Прошло много лет. Лео вырос, но он так и остался жить в деревне у леса. Он стал лесником, хотя мог бы стать кем угодно. Но он не мог оставить свой ручей, свою черепаху, своих светлячков. Он так и продолжал каждое утро приносить камешки, теперь уже не один, а вместе со своими детьми, которые с восторгом слушали историю о том, как их папа однажды сдвинул гору, чтобы спасти черепаху и вернуть песню.

И ручей пел. Он пел каждый день, каждую ночь. Его голос стал настолько сильным, что его слышали в городах за сотню километров, и люди приезжали в деревню, чтобы просто посидеть на его берегу и послушать. Говорят, что тому, кто слушает его долго, начинают сниться самые добрые сны, и болезни отступают, и печали уходят.

А старая черепаха, которую Лео спас, дожила до невероятного возраста. Говорят, она до сих пор живёт в том ручье, только теперь она огромная, как маленький плот, и на её панцире выросли мхи и даже маленькие цветочки. Иногда, когда Лео приходит на берег, она выплывает к нему, и они долго смотрят друг на друга, молчаливые мудрецы, связанные одной историей.

И если вы когда-нибудь услышите ночью, как за окном звучит нежная, переливчатая мелодия — не зовите врачей, не вставайте с постели. Это просто Ручей поёт. Он поёт для всех, кто умеет слушать. Он поёт о том, что даже маленький мальчик с большим сердцем способен изменить мир. Он поёт о дружбе, о смелости и о том, что свет всегда побеждает тьму, если есть те, кто не боится толкать тяжёлые камни.

И где-то там, среди звёзд, мерцает зелёный огонёк — это Феликс. Он больше не просто светлячок, он — легенда. Он освещает путь всем, кто идёт тёмной тропой, чтобы помочь другому. Потому что самая главная песня — это не та, что поёт ручей, а та, что звучит в сердце человека, который не прошёл мимо.

Так заканчивается эта история. Но она никогда не закончится по-настоящему, потому что вода течёт вечно, светлячки горят вечно, а добро, однажды совершённое, возвращается к нам бесконечным эхом, усиленным любовью.

И каждый день Лео приносит новый камешек. И каждый день ручей поёт чуточку громче, чтобы мир, уставший от тишины, снова вспомнил, как звучит жизнь.

А теперь прислушайтесь. Слышите? Где-то вдалеке журчит вода. Это он, ваш Ручей. Он ждёт, когда вы положите в него свой камешек. Маленький, гладкий, красивый. И тогда он запоёт для вас. И его песня будет самой красивой на свете, потому что она будет вашей.

Хельга и северный олень с больным копытцем

****Часть первая. Белая стена****

В самом сердце Скандинавских гор, там, где сосны растут кривыми, приземистыми пальцами, цепляясь за голые скалы, а небо зимой становится таким низким, что кажется, будто можно достать до него рукой, жила девочка по имени Хельга. Ей было тринадцать зим, и она была дочерью лесника, но лесник ушёл в горы ещё прошлой весной и не вернулся. С тех пор Хельга жила одна в маленькой хижине у подножия перевала.

Хижина была сложена из грубых, тёсанных брёвен, которые почернели от времени и непогоды. Крыша была покрыта тяжёлым дёрном, на котором летом цвели крошечные белые цветы, а зимой лежал такой толстый слой снега, что дом казался частью сугроба. Внутри было тепло: всегда горела печь-каменка, которую Хельга топила сухим можжевельником и берёзой. На стенах висели пучки сухих трав — зверобой, мята, чабрец, — которые она собирала коротким северным летом. В углу стоял грубо сколоченный стол, на нём — глиняная кружка и фонарь на китовом жире.

Хельга была невысокой, но крепкой, как молодой корень. Её волосы, заплетённые в две тяжёлые косы, были цвета старого серебра — такими светлыми они были от природы, и это делало её похожей на маленькую северную берёзу. Глаза у неё были синими, как лёд на замёрзшем озере, а руки — вечно в царапинах и мозолях от работы. Она умела колоть дрова, доить козу (единственную живность, которая осталась у неё от отца), разводить огонь даже в сырую погоду и читать следы на снегу лучше любого взрослого охотника.

Но больше всего на свете Хельга любила ночь. Не тёмную, а ясную, когда над горами разгоралось северное сияние — зелёные и фиолетовые ленты, которые трепетали на небе, как гигантские занавески, раскрывающиеся в честь праздника. В такие ночи она выходила на крыльцо, закутавшись в большой шерстяной платок (подарок матери, которую она почти не помнила), и слушала тишину. Иногда в этой тишине слышался далёкий звон — это бежало оленьё стадо. Где-то там, за ледяными хребтами, жили дикие олени, и их копыта выбивали дробь по насту, разнося этот звук на много километров.

Хельга никогда не приближалась к стаду. Она знала, что олени — свободные создания, что они уходят на зиму в долины, где теплее, а весной возвращаются обратно, переходя по тонкому льду замёрзшие реки. Она не хотела тревожить их. Она просто слушала их издали и чувствовала, что они — часть одной большой северной жизни, частью которой была и она сама.

Но однажды всё изменилось.

****Часть вторая. Снежная буря****

Это случилось в конце декабря, когда день длится всего три часа, а ночи тянутся бесконечной чередой. Хельга проснулась от того, что стены хижины дрожали. Ветер выл так, что казалось, будто кто-то огромный и голодный царапает дверь снаружи. Она выглянула в маленькое, затянутое бычьим пузырьком окошко, и сердце её сжалось: мир исчез. Вместо гор, леса и неба была только сплошная белая стена — снежная буря, или, как её называли в этих краях, «белая смерть».

Буря бушевала уже третий день. Хельга почти не спала, всё подбрасывая дрова в печь, чтобы тепло не ушло. Запасы дров таяли на глазах, коза дрожала в своём углу, прижавшись к тёплому боку печи, а ветер то затихал на мгновение, чтобы через минуту налететь с утроенной силой и завывать в трубе так жутко, что хотелось закрыть уши.

Именно в этот момент, сквозь вой ветра, Хельга услышала другой звук. Тонкий, жалобный, почти нечеловеческий. Она насторожилась. Сначала она подумала, что это ей кажется — ветер играет надоедливые игры с её ушами. Но звук повторился. Это был стон. Долгий, мучительный, похожий на плач раненого зверя.

Хельга накинула на плечи свой самый тёплый тулуп, замотала лицо шарфом, надела рукавицы из оленьей шкуры и, взяв в руки длинный посох, с трудом открыла дверь. Ветер тут же ворвался в сени, закружил снежную пыль, обжёг лицо колючими кристаллами. Хельга шагнула в белое месиво, пригнувшись почти к самой земле.

Она пошла на звук. Каждый шаг давался с трудом — снег уже намело по пояс, и она проваливалась почти по грудь. Но она знала свой двор и тропинку к лесу наизусть, даже если ничего не было видно. Пройдя шагов сорок, она остановилась. Прямо перед ней, у старого, обломанного бурей клёна, лежало тёмное тело.

Это был олень. Молодой, ещё не старый, но уже с ветвистыми рогами, которые сейчас были усыпаны снегом. Он лежал на боку, его бока тяжело вздымались, а из ноздрей вырывался белый пар. Олень дрожал крупной дрожью — не от холода, а от боли. Хельга подошла ближе, присела на корточки, и, не обращая внимания на ветер, провела рукой по его шее. Шерсть была мокрой и свалившейся, но кожа под ней была горячей — у него начиналась лихорадка.

Олень поднял голову и посмотрел на неё. Это были самые грустные глаза, которые Хельга когда-либо видела: большие, карие, с длинными, тёмными ресницами, обрамлёнными инеем. В них не было страха перед человеком, только мольба. Олень словно говорил: «Помоги мне. Я не могу идти».

Хельга перевела взгляд на ноги. Одна из передних ног была неестественно поджата, и олень не давал ей коснуться земли. Она осторожно приподняла копыто и ахнула. Между пластинами копыта, глубоко в мягкой ткани, торчал осколок льда. Острый, как лезвие ножа, и длинный почти с палец. Он вошёл в самое чувствительное место, и при каждом движении олень испытывал адскую боль. Лёд, который сначала был просто снегом, слежался, намёрз на подкову и превратился в ледяную занозу, которая впилась в мякоть. На снегу вокруг копыта виднелись розовые пятна — не снег, а замёрзшая кровь.

Хельга поняла, что этот олень — Гуннар. Она узнала его по особой отметине на правом боку — небольшому белому пятну в форме звезды, которое она часто видела в бинокль, когда стадо проходило мимо её хижины. Он был одним из молодых вожаков, любопытным и смелым. Видимо, он отделился от стада, и буря застала его врасплох.

— Тихо, Гуннар, тихо, — прошептала Хельга, хотя знала, что олень не понимает её слов, но интонация действовала успокаивающе. — Я помогу тебе. Ты только потерпи.

Она была маленькой, а олень был тяжёлым, но она знала, что не может оставить его здесь умирать. Она подсунула плечо под его бок, обхватила его за шею (насколько могла) и, кряхтя, начала поднимать. Гуннар застонал, но попытался встать. Он опёрся на три ноги, поджав больную, и, спотыкаясь, переставляя ноги, как пьяный, позволил вести себя к хижине.

Это был самый долгий путь в жизни Хельги. Снег лез в сапоги, ветер хлестал по лицу, олень тяжело наваливался на неё, и она боялась, что они оба упадут и уже не встанут. Но она стиснула зубы. Она тащила его шаг за шагом, повторяя про себя: «Ещё один шаг, ещё один». Дверь хижины показалась ей чудом.

****Часть третья. Тёплый кров****

Внутри хижины было почти душно после ледяного ада снаружи. Хельга с трудом втащила оленя через порог, и он рухнул на пол, прямо на овечью шкуру, расстеленную у печи. Коза в углу испуганно блеяла, но Хельга успокоила её взглядом: «Тихо, это свой».

Она захлопнула дверь, навалив на неё все свои дрова, чтобы ветер не открыл. Потом быстро подкинула в печь сухих веток, и пламя взметнулось, осветив красным светом лицо оленя. Гуннар дышал тяжело, с хрипом, его глаза были полузакрыты. Он весь дрожал.

Хельга сняла свой самый большой шерстяной платок, тот самый, мамин, с длинной бахромой и узором из оленьих рогов. Она накрыла им оленя — сначала спину, потом круп, оставив открытой только больную ногу. Она гладила его по шее, приговаривая ласковые слова, пока дрожь не стала стихать. Тепло печи и мягкая шерсть делали своё дело.

Потом она принесла таз с тёплой водой, чистое полотенце и свой старый, но острый пинцет, которым обычно вытаскивала занозы из собственных пальцев после работы с дровами. Она аккуратно взяла копыто в руки. Гуннар вздрогнул и попытался отдернуть ногу, но Хельга крепко держала его за запястье, массируя сухожилия.

— Терпи, — сказала она. — Я знаю, больно. Сейчас будет ещё больнее, но потом всё пройдет.

Она намочила полотенце в тёплой воде и начала отмачивать запёкшуюся кровь вокруг льдинки. Лёд таял медленно, но через полчаса ледяная заноза стала чуть подвижней. Хельга взяла пинцет, глубоко вздохнула, и одним быстрым, точным движением вытащила осколок. Он был длинным, почти с её палец, и на конце его блестела капля тёмной крови.

Гуннар взревел — низко, протяжно, этот звук отразился от стен и заставил козу вжаться в угол. Но через секунду он облегчённо выдохнул. Боль ушла. Из ранки снова потекла кровь, но Хельга быстро промыла её тёплой водой с отваром ромашки, который всегда держала в кувшине, и завязала копыто чистой тряпицей.

— Всё, — сказала она, вытирая пот со лба. — Всё, хороший мой. Теперь заживёт.

Она устало опустилась на пол рядом с оленем и положила голову на его тёплый бок. Гуннар дышал ровнее, его глаза потемнели, но в них появился свет — тот самый, благодарный, спокойный. Он осторожно, чтобы не задеть её, положил свою голову ей на колени. Так они и сидели: девочка и олень, у печи, за окнами выла буря, но внутри было тихо и тепло. Коза наконец успокоилась и задремала.

Хельга не помнила, как уснула. Но проснулась она только утром — буря стихла, в окно пробивался тусклый, но всё же свет. Гуннар стоял на трёх ногах, опираясь больной на пол, и смотрел на неё. Его глаза стали ясными и спокойными. Он уже не дрожал. Он был сильным и живым, и, казалось, даже немного улыбался оленьей улыбкой.

****Часть четвёртая. Страх одиночества****

Прошло два дня. Гуннар окреп. Рана под повязкой заживала, хотя нога ещё болела, и он не наступал на неё по-настоящему. Хельга кормила его сушёным мхом, который нашла в чулане, и тёплой водой с мёдом. Олень доверчиво брал угощение из её рук и даже позволял гладить себя по мягкой шерсти на животе, где она была особенно нежной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.